Татьяна Бубенько (Витебск)

НИЖНИЙ ЗАМОК — ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ВИТЕБСКА XIV–XVIII в.

Экономический центр Витебска — Нижний замок — образовался на базе торгово-ремесленного посада XII–XIII в. К этому времени завершилось формирование территории города из разрозненных посадских поселений, начала складываться планировочная структура Нижнего замка с собственным композиционным центром; довольно высокого уровня достигло развитие ремесла и торговли, что способствовало возникновению ремесленных корпораций.

К XIV в. Витебск стал крупнейшим подвинским городом, который, безусловно, вызывал интерес у молодого литовского государства. В 1318 г. сын литовского князя Гедимина вступает в брак с дочерью витебского князя Ярослава — Марией. В качестве приданного за женой Ольгерд получает Витебск. Своё вступление на витебский престол (1320 г.) он ознаменовал строительством вокруг города мощных оборонительных укреплений, возведенных в соответствии с новейшими достижениями фортификации в Западной Европе.

Строительство каменной крепости продолжалось до 1351 г. *«Замок Витебский и вежу змуровала Улияна княгиня .... и муром округ обвела з баштами вынеслыми и вежами»* [1, с. 45].

Археологические исследования подтвердили, что башни действительно были вынесены за периметр крепостных стен. Приведенное в Инвентаре города 1638 г. и «Сметных книгах» за 1655 г. описание витебских укреплений позволяет воссоздать первоначальный облик Нижнего замка. Длина его укреплений достигала 1 160 м, что почти в 2 раза превышало протяжённость укреплений Верхнего замка. С внешней стороны крепостные стены были защищены оборонительным валом, который отсутствовал лишь в местах расположения *«башен вынеслых»*. Линия укреплений Нижнего замка представляла собой семибашенный комплекс каменных сооружений, включавший трое ворот: Завитебные, Задунайские, Жидовские. Все глухие башни располагались вдоль восточной и северо-восточной границ города. Подобное расположение указывает не только на уязвимые участки в системе обороны города, но и на направление ожидаемого удара противника. В то время, как башни русских крепостей были ориентированы на запад, бойницы башен в пограничных городах ВКЛ были повернуты на восток.

Укрепления Витебского замка были сложены из валунного камня в технике «grand appereil». Толщина стен находилась в прямой зависимости от стратегических особенностей местности и колебалась от 1,6 до 3,2 м. Высота башен достигала 12–13 м и предусматривала наличие не более трех ярусов.

В первозданном виде каменные замки просуществовали недолго. С 1393 по 1437 г. стены нижнего города не менее трех раз страдали во время военных действий. В 1437 г. Михаил Жигмонтович, видимо, основательно разрушил замковые укрепления, т.к. в конце XV в. литовский князь Александр приказал довести Витебский замок до оборонительного положения [2, с. 10].

При ремонте укреплений наиболее пострадавшие башни укрепляются мощными трапециевидными контрфорсами. Крепостные стены частично достраиваются деревянными пряслами. В результате принятых мер к XVI в. экономический центр Витебска превращается в комбинированную дерево-земляную крепость. Производится дополнительная подсыпка насыпи оборонительного вала, ширина которого у подошвы достигла 15–16 м.

В начале XVI в. Витебск был втянут в полосу военных действий, длившихся 150 лет. Замковые укрепления, выдержавшие ряд ударов со стороны русских войск, к середине XVI в. были полностью разрушены. Судя по «Хронике Литовской и Жмойтской», от каменных укреплений остались лишь разрушенная стена да сильно повреждённая мурованная вежа, стоявшая над Двиной [3, с. 109].

Описание возрожденных по приказу Стефана Батория замков составлено капитаном А.Гваньини: *«.... в Витебске два города (т. е. замка) ... в те города один верхний, а второй нижний, а две башни дубовые, сооружены и насыпаны землей и камнями ...., а тот город со всех городов пограничный и всей Литвы есть найсильнейший, как будто башня против неприятеля Московитянина»* [4, с. 25].

В XIV–XVI в. военно-оборонительный фактор был важнейшим в общей системе планировки города. Требованиями обороны обусловливались компактность застройки, пространственная замкнутость Витебска. Торговые площади, функционировавшие с древнерусского времени в восточной и западной частях торгово-ремесленного посада, по-прежнему являлись планировочными центрами, к которым стягивались городские улицы. Обязательной принадлежностью торга являлись церковь — издали видимый путниками ориентир и корчма.

Церковь Святой Праскевы Пятницы, покровительницы торговцев и путешественников, располагалась на восточном торгу. По всей видимости, она существовала здесь с древнерусского времени до конца XVI в., когда была разрушена в связи со строительством иезуитского коллегиума. Кроме церкви, на площади находились «коморы крамные» и колодец.

Планировка торговой площади в западной части Нижнего замка на берегу Западной Двины мало чем отличалась от вышеописанной. Южную часть торжища занимала Благовещенская церковь, построенная в 40-е г. XII в. Восточнее храма были вскрыты остатки корчмы XVII в. В Жалованной грамоте короля Александра (1503 г.) мы находим следующую информацию о корчме: *« .... Звыкли мети одну корчму вольную на замку витебском низшом, над которую ж жадна корчма там в Витебску не могла быть во всем месте и на иншом месте оного замку»*. Далее в документе говорится, что стоит она на том месте, *«яко з стародавна там звыкла быть»* [5, с. 133].

Уличная планировка экономического центра оформилась в основном в XII–XIII в. и оставалась неизменной до конца XVI в. В восточной части замка улицы Великая, Великая Задунайская и заулок Кузьмодемьянской кольцом опоясывали торговую площадь и соединяли город с прилегающими посадами через Завитебные и Задунайские ворота. Связь с Верхним замком осуществлялась по улице Пробойной через Замковую браму.

Планировка центральной и западной частей Нижнего замка прослежена, начиная с XVI в. Во время археологических исследований здесь было вскрыто 4–5 ярусов замощения ул. Великой. Теперь основная городская магистраль —

ул. Великая, повторяя конфигурацию оборонительных укреплений, ведёт через весь Нижний замок к Заручайским проезжим воротам.

Детальное изучение чертежей и планов города XVII–XIX в. с привлечением письменных и археологических материалов позволяет воссоздать уличную планировку конца XVI–XVIII в. в западной и центральной частях Нижнего замка [6, с. 59–62]. Параллельно центральной магистрали у подножья Замковой горы проходила улица, соединившая Жидовскую фортку с Волконским кругликом. Ещё одна улица вела с Верхнего замка к улице Великой и к торгу возле Благовещенской церкви. Возникла она не ранее XVI в., когда связь с Нижним городом стала осуществляться через Темные проезжие ворота.

Уличные мостовые сооружались, как правило, из сосновых брёвен или плах шириною 24–32 см. Настил укладывался на толстые лаги (18–20 см). Во избежание расползания брёвен мостовой иногда использовали стопорящие клинья. Ширина центральных улиц достигала 4,5–5 м, в то время как второстепенных не превышала 3–3,5 м. Очень часто от центральных улиц к дворам горожан вели тупиковые заулки.

Неизменность уличной планировки вплоть до середины XVII в. обусловила устойчивость границ усадебных комплексов. Усадьбы горожан вплотную примыкали к уличным мостовым, зачастую изгородь упиралась в торцы настила.

Сопоставление сведений письменных источников XVII–XVIII в. с данными археологии позволило установить приблизительные размеры дворов рядовых горожан. В большинстве своём усадьбы были вытянуты вдоль улицы. Их длина составляла около 6 сажен, ширина — 2 сажени и локоть, что в пересчёте на современную метрологию составляет 150–160 кв. м [6, с. 63].

За усадебной оградой, состоящей из вбитого или вкопанного в землю частокола, размещался усадебный комплекс. Двор рядового витеблянина состоял, как правило, из жилья, клети, одного-двух хлевов. В ряде случаев во дворах зафиксированы отдельно стоящие погреба — «ледники» глубиною до 1,6 м. В состав усадеб богатых горожан, кроме жилища, входили дома челяди, жилища-мастерские придворных ремесленников. Так, на усадьбе князя Огинского позади жилого дома располагались двухэтажные дома княжеской прислуги. Нижний этаж одного из таких домов использовался как ювелирная мастерская.

Основным типом рядового жилья остаются небольшие однокамерные срубы площадью 14,5–20 кв. м. В домостроительстве продолжает господствовать традиционная рубка построек «в чашку». На рубеже XV–XVI в. появляются сооружения, рубленные в «чистый угол», которые получают широкое распространение в XVI–XVII в. Следует отметить, что данная техника рубки использовалась преимущественно при сооружении домов на подклетах.

Дома рядовых горожан ставились на фундамент из деревянных подкладок, имели дощатые полы на лагах, глинобитную печь с примесью камня, топившуюся по-чёрному. Крылись избы на два ската тесом или дранью. Иногда при жилище имелся прируб в виде маленькой клети под отдельной крышей. Городская беднота жила в основном на посадах, более зажиточная часть населения — ремесленники, купцы проживали за замковыми стенами. Именно этой прослойке городского населения принадлежат дома сложной конструкции типа изба-сени-клеть, избы-пятистенки, каркасные дома и многоэтажные дома на высоких подклетах. Под-

клеты могли использовать для жилых или хозяйственных нужд. Часто в них устраивали производственные мастерские (косторезные, ювелирные). Верхние этажи домов на подклетах занимали жилые помещения. Находки оконного стекла указывают, что это были светлицы, в одном из углов которых располагалась изразцовая печь, топившаяся при помощи дымохода.

Жилища богатых горожан представлены домами Шапки и Огинского. Причём остатки одного княжеского дома Огинского были обнаружены при улице Великой, напротив Благовещенской церкви.

В конструктивном отношении это сооружение не было сложным. Дом, по-видимому, имел высокий подклет, выложенный из камня. Вокруг постройки шла открытая ходовая галерея, которую поддерживали мощные столбы-опоры. Светлица имела застеклённые окна и красивую изразцовую печь, в зеркало которой были вмонтированы гербовые изразцы рода Огинских с изображением «Агинца», «Котвицы» и литер «S. K. O. P. W. T. K». По внешнему виду описанный дом напоминал дом Горского, изображенный на «Чертеже г. Витебска» 1664 г.

По изображениям на «Чертеже» можно составить представление о внешнем виде дома писаря В.Шапки и доме-дворце князя Огинского, которые располагались в восточной части Нижнего замка.

Дом Шапки состоял их двух расположенных под углом корпусов и высокого входа в виде восьмигранной башни, повторяющей формы башен-«кругликов» витебских замков. Дом имел высокий подклет, жилая часть располагалась в двух этажах.

Основная часть дома князя Огинского — вытянутый прямоугольник, поднятый на подклет и окружённый галереей, к которому примыкали шестигранный объём с широкой наружной лестницей и высокая, крытая шатром башня [7].

Изучение хозяйственной деятельности и быта горожан в позднем средневековье стало возможным благодаря массовому археологическому материалу XIV–XVIII в., накопившемуся за три десятилетия раскопок культурного слоя Витебска. Данные археологии, подкреплённые сведениями письменных источников этого периода и результатами современных аналитических методов их изучения (металлография, спектроскопия, химический и структурный анализы), позволили по-новому осветить ряд вопросов истории экономики средневекового города и, прежде всего, проблемы развития и организации ремесла.

Собранный во время раскопок Витебска ремесленный инструментарий, приспособления, материалы (сырье), полуфабрикаты, отходы производства и разнообразные серии изделий дали возможность всесторонне изучить технику и технологию производства многих отраслей городского ремесла.

Ведущей отраслью ремесла, как и в предшествующий период (X–XIII в.), являлась кузнечная обработка черного металла. Потребность витебских ремесленников в сырье в основном удовлетворяла близлежащая сельская округа. Однако частично сырье импортировалось в город из более далеких регионов, например, «железо свицкое» (XVII в.). В XVII в. металл и готовая продукция могли попадать в Витебск с заводов-мануфактур Латвии и русских городов [8, с. 103].

Кузнечное ремесло XIV–XVIII в. переняло от прошедшей эпохи отлаженную и проверенную временем технологию, инструментарий, навыки, систему отношений между мастером и заказчиком. К тому же государство, заинтересованное в переводе части мастеров в разряд «казенных», даровало им ряд привилеев.

В технологии кузнечного ремесла с XIV в. прослеживается тенденция к упрощению качества изделий широкого употребления. Так, витебскими мастерами забыта схема трехполосной сварки ножей, которая была вытеснена упрощенной технологией наварки стальной рабочей части. В целях повышения твердости металла начинает широко использоваться технология локальной цементации изделий с последующей их закалкой [9, с. 89–90].

Ассортимент кузнечной продукции XIV–XVIII в. включает не менее 40 наименований. Найдены предметы простой и сложной кузнечной обработки. Последняя включает холодную и горячую ковку, сварку, обработку зубилом, обточку, шлифовку, лужение, инкрустацию, чернение, паяние и т.д. В плавке применялись тугоплавкие припои на меднистой основе и легкоплавкие на свинцово-оловянистой основе.

Продукция витебских кузнецов представлена, в первую очередь, орудиями труда для различных производств: кузнецов, ювелиров, резчиков по дереву и кости, плотников, кожевников, сельскохозяйственным инвентарем, принадлежностями для рыбной ловли. Универсальные орудия труда — ножи подразделяются на кухонные, столовые, производственные, боевые ножи — «засопожники». Из предметов бытового назначения наиболее часто встречаются разнообразные по форме замки и ключи для навесных и неподвижных замков, осветительные приборы и кресала, шарнирные ножницы, бритвы, железные детали от домашней утвари, детали украшения костюма, подковки, скобяные изделия и т.п. Не вызывает сомнений и производство оружия, предметов снаряжения всадника и верхового коня: наконечники копий, арбалетный болт, шпоры с зубчатым колесиком. Известно, например, что в XVII в. в городе существовали следующие специальности: сабельники, ствольного дела и замочные мастера, пищальники, пушкари [10, с. 9–10]. В слое XVI–XVII в. были найдены металлические формы для отжимки пуль из олова — «пулелейки».

Начавшаяся в древнерусское время специализация кузнечного ремесла (появление ул. Пробойной, заулка Кузьмодемьянского и одноименной церкви) в XVI в. привела к появлению братств ремесленников. Так, в документе за 1539 г. упоминается староста ковальский витебский Онофрей, который вместе со своими помощниками обеспечивал горожан топорами, защепками и другими вещами. Тимош Семенов со своими сыновьями *«кони воеводины подковывает и иншыи потребы на замок робить»* [11, с. 92].

В XVII в. в городе известны кузнецы, игольники, слесари, сабельники, котельщики. В начале XVIII в. кузнецы, мечники, слесари и медники входили в один цех (1721 г.).

Наивысшего расцвета ювелирное производство в Витебске достигает в XI–XIII в. — это период широкого распространения общеславянских типов украшений: височные кольца, браслеты, привески, перстни, булавки и т.п. И хотя в XIV–XVI в. наблюдается резкое сокращение номенклатуры изделий из цветного металла, в бронзолитейном ремесле, как и в кузнечном, отмечается узкая специализация производства. Это приводит в XVI в. к появлению братств, специализирующихся на обработке определенного вида сырья. По сведениям письменных источников, из сословия витебских ювелиров в XVII в. уже выделились золотых и серебряных дел мастера, входившие в братство при плебании Благовещенской церкви [12,

с. 118–119]. Во второй половине XVII в. 9 витебских мастеров серебряного дела вместе со своими учениками были посланы на работу в Москву [13, с. 432].

Анализ ювелирной продукции рассматриваемого периода показывает, что среди горожанок повышенным спросом по-прежнему пользуются пластинчатые браслеты из бронзы, серебряные и бронзовые кольца и перстни со вставками из стекла и полудрагоценных камней (гранат, бирюза, кварц), монетовидные и ромбические привески, булавки типа «пус-ейпи». С XIV в. у жительниц Витебска приобретают популярность серьги (выделено 4 типа украшений). Особую группу составляют предметы христианского культа — литые иконки, нательные и наперстные кресты. Последние представлены как православными, так и католическими реликвиями.

Продукция бронзолитейного производства не ограничивается ювелирными украшениями. Отдельные группы составляют предметы бытового (пряжки, пуговицы, накладки), хозяйственного (бронзовые медные котлы, сковороды, кубки, дужки котлов и ведерок) и культового назначения (фрагменты окладов икон, подсвечников, лампадок и пр.).

Плотницкое ремесло было известно горожанам с момента возникновения города. Дерево являлось важнейшим строительным материалом при возведении построек, благоустройстве улиц, усадеб, сооружении оборонительных укреплений и городских коммуникаций. Отражением постоянного совершенствования мастерства плотников является эволюция домостроительства, которую удалось проследить непрерывно с XI до XVIII в. Наивысший расцвет плотницкого ремесла относится к XVI–XVII в., когда в городе появляются многоэтажные дома на подклетах, сложные конструктивные формы сооружений (типа изба+сени+клеть), дома — хоромы богатых горожан, культовые постройки, оборонительные сооружения сложной конструкции [7, с. 48; 14, с. 153–161].

Помимо крупномасштабных работ, витебские мастера занимались обработкой древесины для хозяйственных и бытовых нужд. Археологический материал и письменные источники позволяют говорить о существовании в Витебске таких специалистов, как бондари, резчики, токари, столяры.

Деревообрабатывающий инструментарий практически не претерпел изменений на протяжении столетий. Он прост и консервативен: топоры, тесла, скобели, долота, пилы, разнообразные по форме и назначению сверла, токарные лерки. При изготовлении мелких изделий пользовались специальными столярными ножами с изогнутой спинкой. При обработке древесины витебские древоделы широко использовали токарный станок, в частности, при изготовлении точеной столовой посуды. Большинство предметов изготавливалось резчиками по дереву не специально, а как натуральная продукция домашних промыслов. Сырьем для таких поделок служила древесина местных пород: сосна, ель, дуб, береза. Отдельные предметы имели окраску, орнаментацию, роспись.

Деревянные предметы по внешнему виду и назначению практически такие же, как и в предыдущий период: сельскохозяйственный инвентарь, орудия труда промыслов, разнообразная домашняя утварь, детали транспортных средств летнего гужевого, зимнего санного и водного транспорта.

В тесной взаимосвязи с обработкой древесины развивается обработка кости. Схожесть техники производства и применяемого в косторезном производстве

инструментария позволяет предположить их изготовление в одной мастерской. Такая традиция продолжает существовать вплоть до XVIII в. Характерно, что в XVI–XVIII в. специальности «гребенщик, токарь, резец, пуговичник» употребляли вне связи с определенным видом сырья [15, с. 78].

Отходы косторезного ремесла дают полное представление о технологии производства и инструментах, применяемых витебскими косторезами: топор, пила, косторезные ножи, резцы, сверла. Для получения круглых срезов использовали лерки токарные, которые служат доказательством использования мастерами токарного станка. Концентрация отходов косторезного производства непосредственно в домах или высоких подклетах производственного назначения указывает на то, что мастерские не были обособлены от жилищ.

Высокий профессионализм местных резчиков был известен далеко за пределами Витебска, что в 60-е годы XVII в. Кирюшка Толкачев и «товарищи его по токарному делу мастера» (5 человек) были по приказу царя отправлены в Москву для работы во дворце и в Оружейной Палате. Тогда же в столицу были посланы и «слицаря, розного деревянного дела мастера».

До XVI в. косторезное ремесло базировалось исключительно на местном сырье. В обработку шли преимущественно рога диких животных, реже — трубчатые кости домашних животных. Со второй половины XVI в. через северные морские ворота (Архангельск, Холмогоры) на рынки средневековых городов Руси, в том числе и Витебска, стала поступать слоновая кость [15, с. 81].

Ассортимент изделий XIV–XVIII в., изготовленных резчиками по кости, не так широк, как в древнерусское время. На смену костяным проколкам и иглам пришли их железные прототипы. Исчезают и богато орнаментированные расчески, различные по форме двусторонние гребни. Теперь в обиходе горожан имеются лишь тонкие двусторонние гребни прямоугольной формы. В то же время расширяется видовой состав рукоятей, муфт, накладок, наверший. В большинстве случаев для них характерен богатый декор, иногда инкрустация. Из слоя XVII в. происходит рукоять, инкрустированная серебром в виде побега виноградной лозы с гроздьями ягод. Совершенствуется форма шашек и шахмат, которые по внешнему виду приближаются к современным [16, с. 9]. Однако стандартизация изделий и упрощение технологии их производства не исключают наличия в культурном слое Витебска высокохудожественных предметов мелкой пластики. Не следует забывать и тот факт, что до отправки в Москву «костеного дела токари» работали в Витебске. В Москве Кирюшка Толкачев и Самойло Богданов для великого государя вырезали шахматы *«12 коней белых и чорных, а на тех конех были люди»* [13, с. 454]. В 1680 году Самойлу Богданову поступил заказ изготовить *«в запас двои шахматы из слоновой кости: одни з бердыши и с ружьем люди резные, другие гладкие точеные»* [17, с. 291]. К уникальным находкам относятся пластина с портретным изображением мужчины эпохи Ренессанса и резной двусторонний наперстный крест рубежа XV–XVI в. На лицевой стороне креста изображены библейские сюжеты, на обороте — Богоматерь в окружении евангелистов и святых Николы, Сергия и Никона Радонежских [18, с. 246–248].

Стеклянную продукцию XIV–XVIII в. характеризуют три группы изделий: украшения, стеклянная посуда и оконное стекло.

В течение первой половины XIV в. наблюдается резкое изменение ассортимента украшений: исчезают браслеты, височные кольца, перстни. Выходит из употреб-

ления большинство типов стеклянных бус, выполненных в технике навивки. На смену им приходят штампованные шаровидные, эллипсоидные и 14-гранные украшения из полупрозрачного стекла различных оттенков. В моду входит разноцветный бусинный бисер, который использовали и для украшения одежды. Особняком в коллекции стеклянных украшений этого периода стоит небольшая вставка для перстня с портретным изображением мужчины. По всей вероятности, это был один из представителей рода Огинских, на усадьбе которых и обнаружена гемма.

Столовая посуда из стекла различных оттенков появляется в городе во второй половине XIV в. В основном это сосуды для питья — скляницы большие и малые, стопки, келихи, келишки, вилькомы, бокалы, рюмки и т.п. Реже встречаются тара (кварты, бутли, бутылки), вазы и фруктовницы [11, с. 52–55; 19, с. 125–129]. Стеклянная посуда была доступна не только местной аристократии, зажиточным гражданам, но и рядовым ремесленникам и мещанам. Правда, в последнем случае она была недорогой и менее изысканной. Основное количество посуды, несомненно, было изготовлено в мастерских города или его округи. На местное производство указывают находки стеклянной тары с гербами витебской знати. Представители последней могли выступать не только как заказчики, но и как владельцы вотчинных мастерских.

В первой половине XVII в. сведения о витебских стеклоделах появляются в письменных источниках (1625, 1641, 1665 г.) [10, с. 10, 33; 20, с. 74]. К середине XVIII в. городские стекольщики имели собственную цеховую организацию, которой был дарован королевский привилей [21, с. 488].

Как и большинство городских ремесел, керамическое производство в Витебске базировалось на местном сырье. Следы гончарного ремесла выявлены на западной окраине Нижнего замка в слоях XVI–XVII в. Это сруб-хранилище для вязкой пластинчатой глины и несколько ям с сырьем [22, с. 39]. В заполнении сруба встречена не бывшая в употреблении черепица, в одной из ям — горшковые и мисковые изразцы начала XVII в. Кроме того, во время раскопок обнаружена матрица для изготовления коробчатых изразцов. Несмотря на то, что мастерские гончаров остались за пределами изученной территории, из Инвентаря 1641 г. известно, что гончары проживали на всей территории города. К началу XVIII в. горшечники, красильщики имели свою цеховую организацию и причислялись к братству Витебской Благовещенской церкви [12, с. 118–119].

Изготовлением строительной и архитектурно-декоративной керамики занимались кирпичники и кафельщики. Последние, по-видимому, выделились из цеха горшечников в самостоятельную специальность довольно поздно. Это объясняется, в первую очередь, близостью технологии изготовления керамической посуды и ранних сосудообразных (горшковых и мисковых) изразцов. Из документа второй половины XVII в. известно, что в Витебске проживали не менее 80 человек *«кирпичников и гончаров для городового дела»*, которые поочередно под началом Ивашки Алешкина и Ивашки Начовки работали на строительных работах в Смоленске [13, с. 437–438].

И все же центром гончарства была слобода Русь (за Западной Двиной), где до настоящего времени сохранилась улица Гончарная. Не случайно в конце XVIII — начале XIX в. именно на базе мастерских за Двиной и на Взгорье возникли кафельные заводы.

Технология производства керамики в позднем средневековье отличается большим совершенством по сравнению с предшествующим периодом. В XIV–XVIII в.

витебские гончары применяли лепку от руки и обтачивание посуды, со второй половины XVI в. — вытягивание сосуда из одного куска. Увеличивается температура обжига керамики, что позволяет изготавливать более тонкую посуду. С XVI в. появляется ангобированная и поливная керамика, для которой характерна роспись как подглазурная, так и по покрытию. В конце XVII–XVIII в. появляется полихромная посуда [11, с 94–96].

С XIV в. у витебских горшков появляется отличительная черта — ребро в области плечика. Позднее эта особенность теряется, и горшки становятся более выпуклые.

Столовая посуда этого времени невероятно богата по ассортименту: миски, тарелки, кувшины, кубки, чарки, куфли, чашки, бутылки, штофы, горшки, макотры, рынки, латки, кумганы, сосуды для специй, дуршлаги, сливочники и т.д.

Из глины изготавливали и мелкие вещи бытового назначения: копилки, лампадки, чернильницы, осветительные приборы, аптекарскую посуду, игрушки, курительные трубки, грузила и т.п.

Архитектурно-строительная керамика включала черепицу нескольких видов, среди которой наиболее живописно выглядела монастырская черепица; брусчатый, лекальный и стрельчатый кирпич; плитки пола и изразцы. В ходе раскопок в Витебске найдено более 100 типов орнаментального заполнения изразцовых пластин, причем 20 из них — гербовые изразцы витебской знати [23, с. 172–174].

Спрос на строительную керамику был чрезвычайно велик в связи с развернувшимся с XIV в. замковым и храмовым строительством. В течение XIV–XVI в. в городе было возведено 15 церквей, реформаторский храм и костел францисканцев, палаты князя Ольгерда и ряд гражданских построек, следы которых прослежены во время раскопок.

Развернувшееся монументальное строительство способствовало возрождению в городе строительной артели, прервавшей свое существование в XII в. Кроме строительных специальностей (каменщики, кирпичники, плотники), для росписи храмов требовался иконописец. Это, по-видимому, была очень редкая специальность, поскольку в 60-е годы XVII в. в Витебске имелся лишь один иконописец — Федька, который не только писал новые иконы, но и реставрировал старые: *«... а к тем церквам вновь пишет и старые починивает он, Фетька...»* [13, с. 429].

Особые специалисты — резчики по камню изготавливали предметы быта (точильные бруски, лощила, жернова), вещи христианского культа (кресты, иконки) и оружие — каменные пули и ядра. Особую категорию находок составляют бусы, вставки для перстней и серьг из граната, бирюзы, агата. Приемы обработки полудрагоценных камней витебские резчики не утратили с древнерусского времени.

Если в XIII в. в городах Полоцкой земли, по мнению исследователей, разделения кожевенного и сапожного ремесел не наблюдалось, то в XIV–XVI в. происходят кардинальные изменения, приведшие не только к распаду кожевенно-сапожного производства на несколько отраслей, но и к узкой специализации внутри каждой из них [24, с. 164].

В XVII в. в городе работали 6 овчинников, 8 кожемяк, 1 специалист по выделке лосиных кож (болтушник) [10, с. 14]. Причем кожемяки, как свидетельствуют документы, специализировались на выделке замши, ирхи, юфти [11, с. 98, 101–102].

Ремесленники каждой из отраслей имели свои производственные объединения, защищающие их интересы. Так, в 1495 г. двое мастеров-кожемяк выступили

в суде с заявлением, что оба они «с своими товарищами» не будут выполнять подводную повинность [25, с. 96]. К XVIII в. шорники, кожевники, сапожники, шапошники имели местные цехи, которые были прикреплены к братству Витебской Благовещенской церкви [12, с. 118].

Исходным материалом являлось местное сырье — кожа крупного рогатого скота, конина, бараньи и козлиные кожи. В начале XVII в., как отмечают письменные источники, недостаток кож частично покрывался за счет импорта. Процесс выделки и обработки кож был трудоемким и включал не менее семи технологических операций: вымачивание, очистка от грязи; снятие остатков жира, мездры, клетчатки; известкование или золка кожи; скобление волоса; промывка и квашение; дубление; отделка [24, с. 165].

Из перечня операций видно, что процесс выделки кож требовал большого количества проточной воды, растительных материалов. Это обусловило размещение мастерских в непосредственной близости от воды и за пределами города. В городской черте во время раскопок следы кожевенного производства в виде деревянных ящиков или ям для золки шкур встречены лишь дважды, да и то на берегу Западной Двины.

Кожемятницкая слобода сложилась в Заручавье на берегу Западной Двины еще в древнерусское время. В начале XVII в. здесь существовала церковь, именуемая Кожемятской. Улица Большая Кожемятская соединяла слободу с Нижним замком через Заручавские Проезжие ворота. Из документа XVI в. следует, что в 1593 г. Заручавье принадлежало городу [26, с. 499, 503].

Производство кож было тесно связано с профессиями сапожников, шаповалов, чеботарей, скорняков, седельников, шорников. Мастерские по изготовлению кожаной продукции размещались в городе повсеместно. Следы сапожного производства неоднократно фиксировались на Верхнем замке: обрезки кожи, заготовки обуви, колодки-правила, инструментарий сапожника. На Нижнем замке обувное производство концентрировалось на юго-восточной окраине города рядом с Княжьей башней и на берегу Западной Двины. Здесь недалеко от замковой стены при улице Великой, ведущей в Кожемятскую слободу, раскопаны остатки сапожной мастерской середины XVII в. Мастер специализировался на изготовлении модных остроносых сапог на высоком (до 4–5 см) каблуке [27, с. 129–137].

Кроме 3 моделей сапог, ассортимент продукции обувщика включал обычные мужские башмаки из грубой кожи; женские туфли на высоком наборном каблуке. Как правило, женская обувь была украшена богатым ажурным орнаментом или расшита цветными нитками [28, с. 169–173]. Кожгалантерея представлена кошельками, ножнами, сумкой-«калитой», рукавицами, фрагментами кожаной одежды — поясами.

К сожалению, не все профессии оставляют прямые археологические свидетельства. Особенно это касается профессий строителей (плотники, каменщики, судостроители, городники, мостники и др.), ремесленников по изготовлению одежды (универсальные и специализированные портные и пр.). И все же накопленный за последние десятилетия материал позволяет всесторонне охарактеризовать хозяйство и быт населения позднесредневекового Витебска. Горожане, несмотря на разрушительные войны второй половины XVI–XVIII в., не только сохранили самобытную материальную культуру своего народа, но и достигли значительного экономического расцвета города в составе Речи Посполитой.

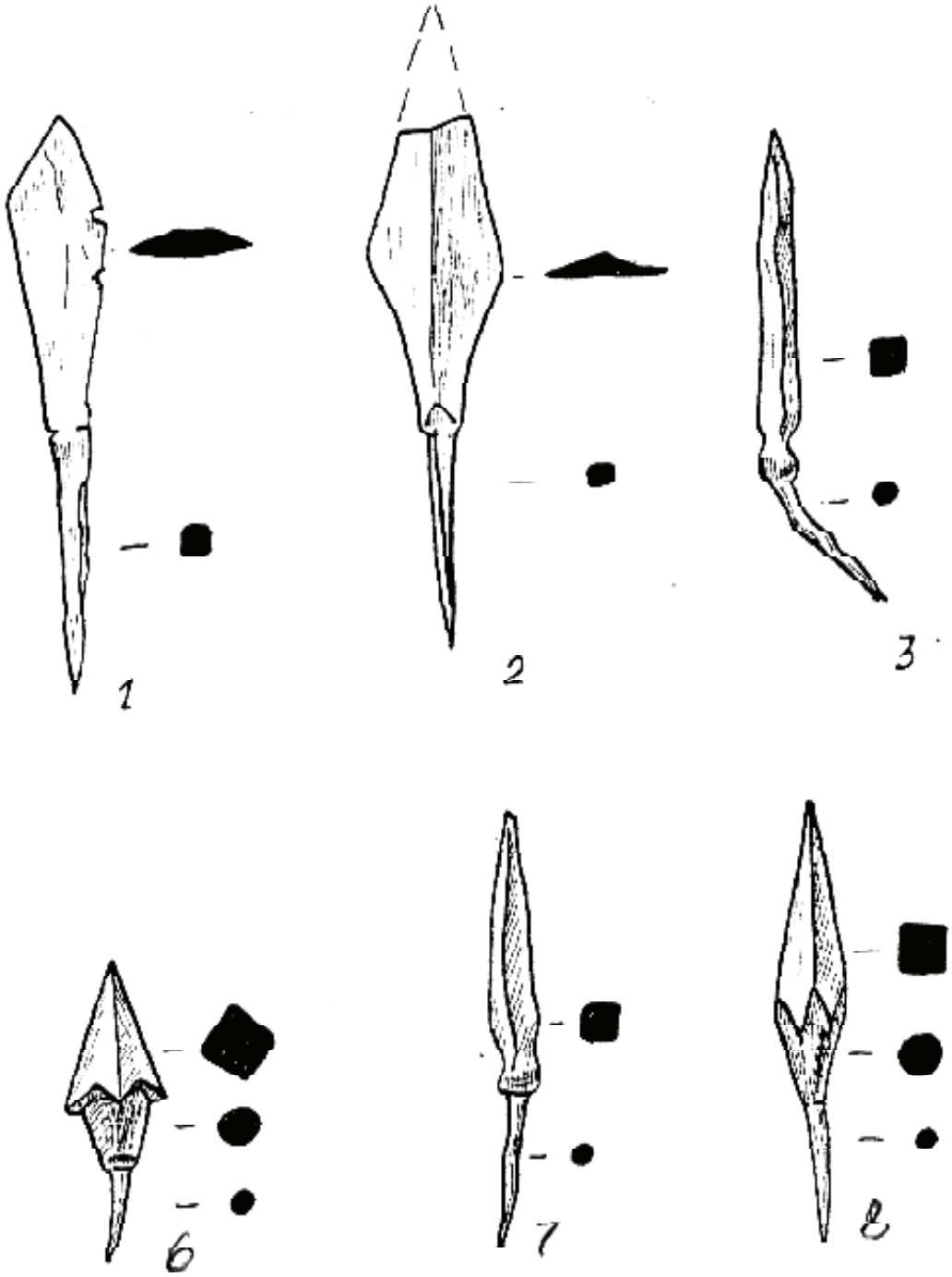

Рис. 1. Предметы вооружения

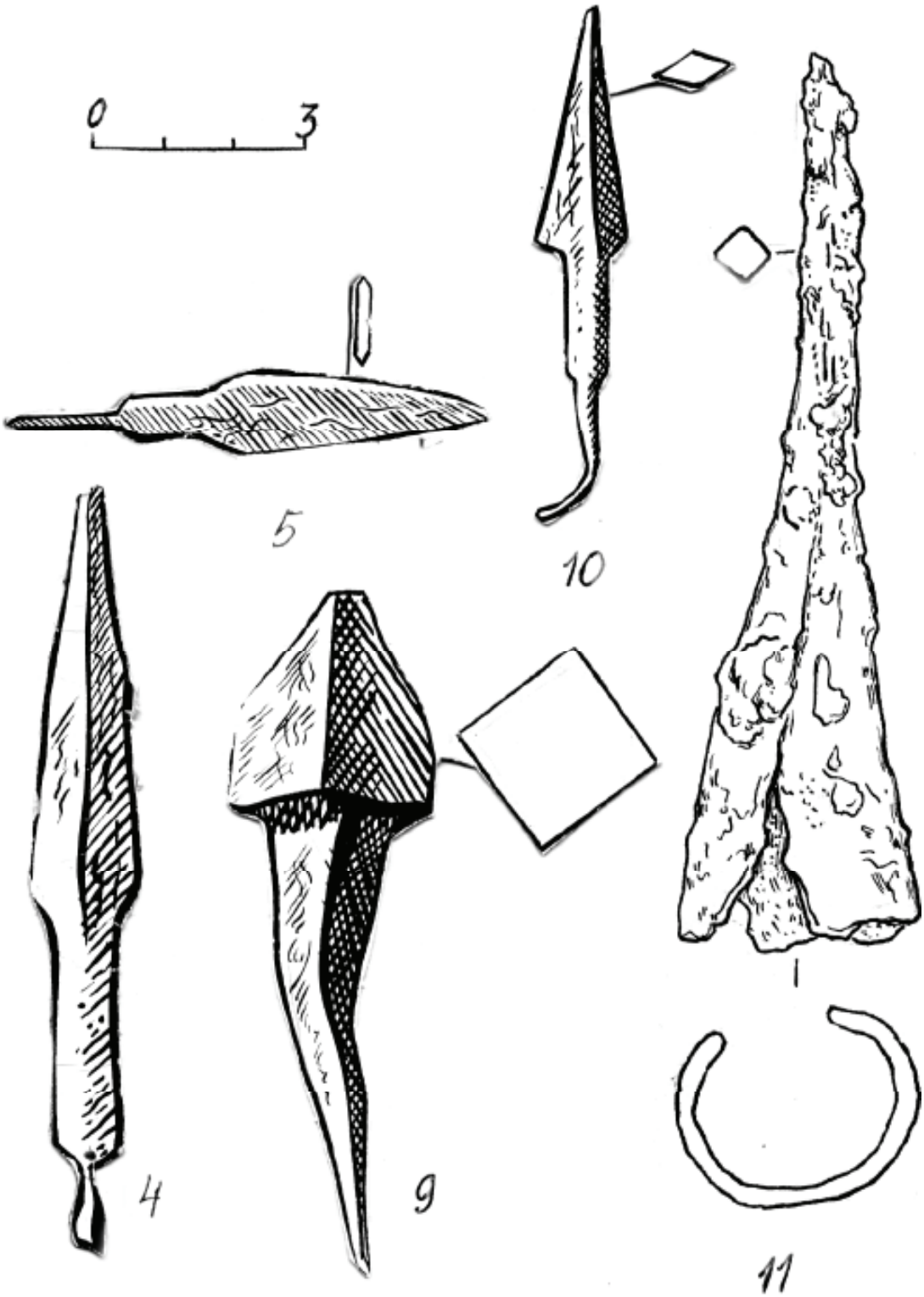

Рис. 1 (продолжение). Предметы вооружения

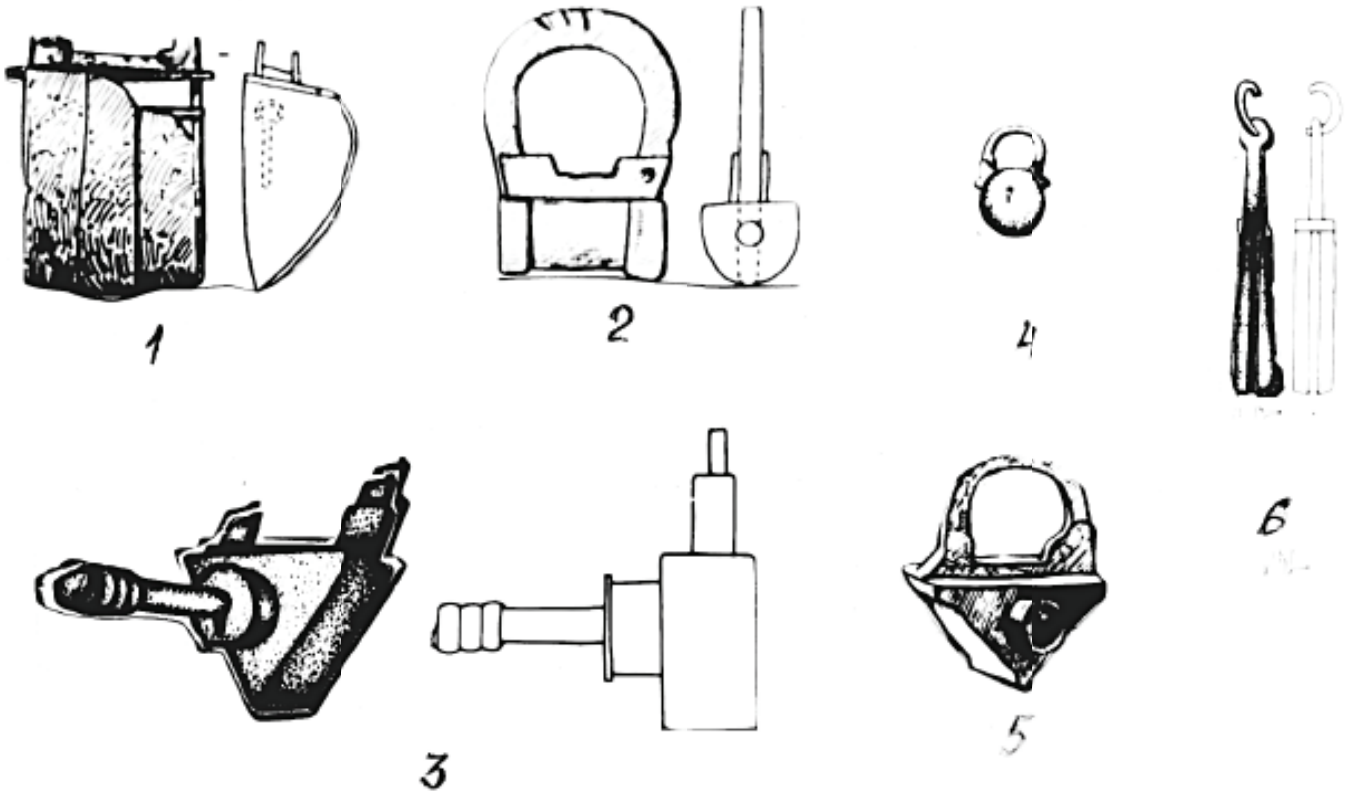

Рис. 2. Замки и ключи

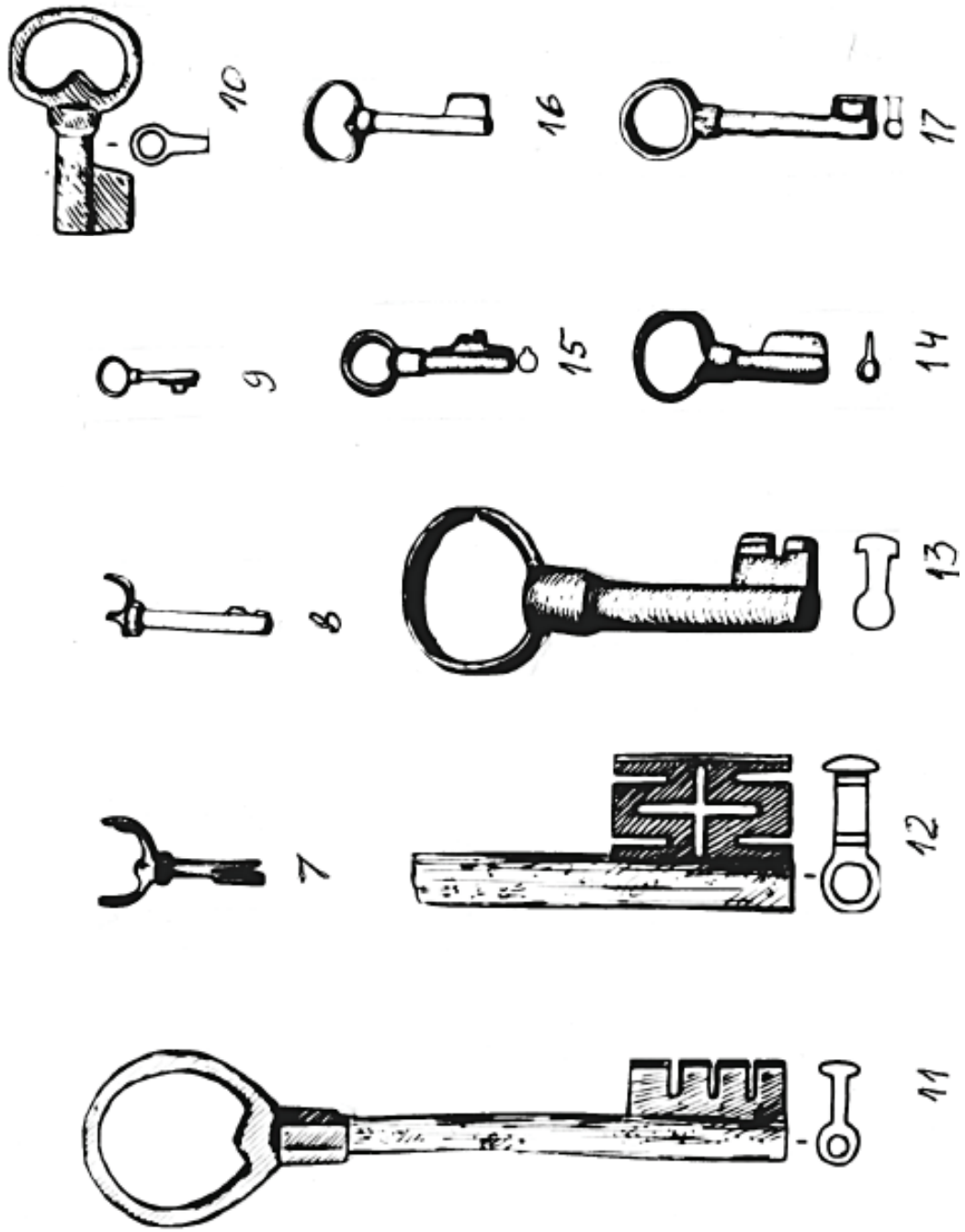

Рис. 2 (продолжение). Замки и ключи

Рис. 3. Обувь

Рис. 3 (продолжение). Обувь

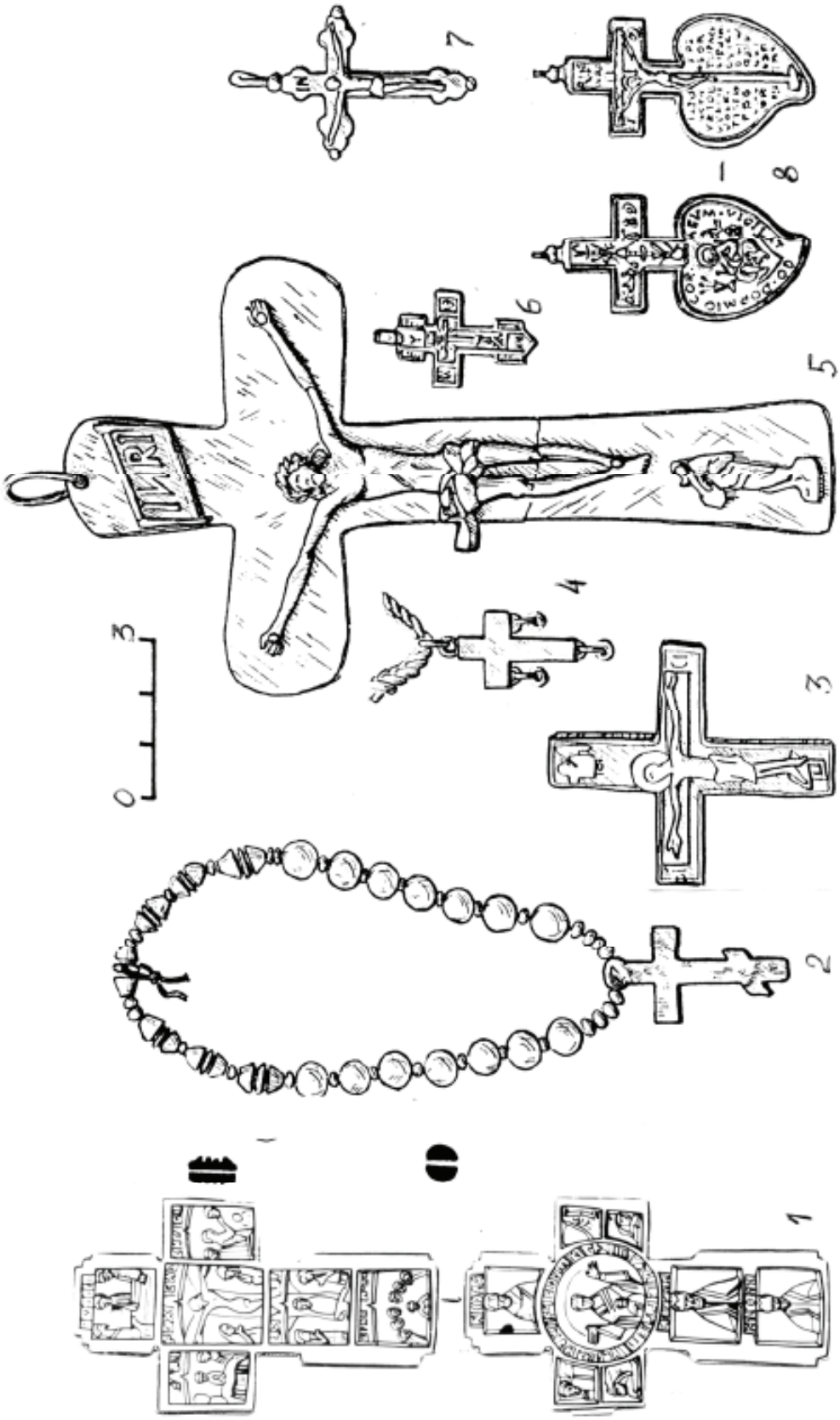

Рис. 4. Кресты

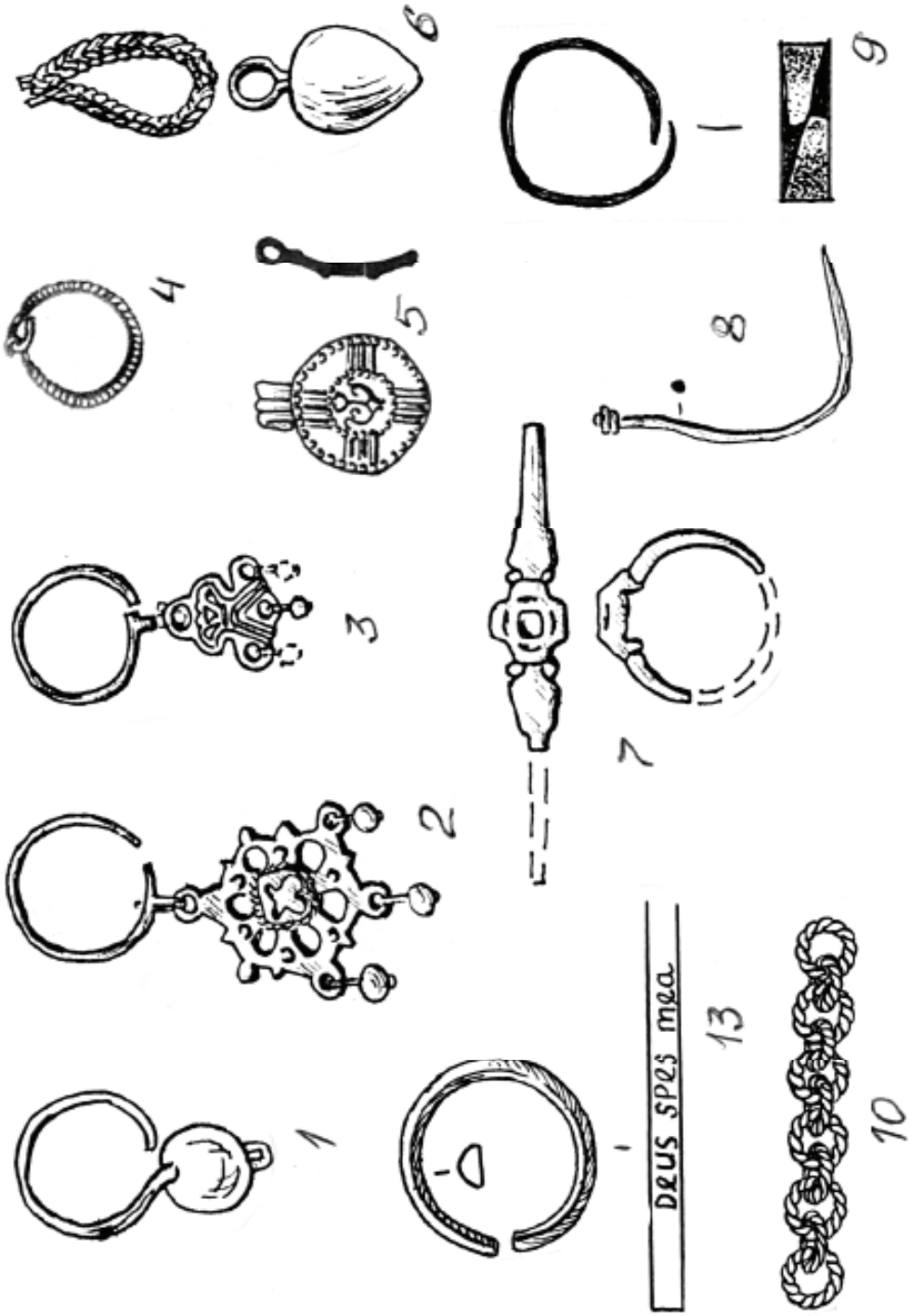

Рис. 5. Ювелирные изделия

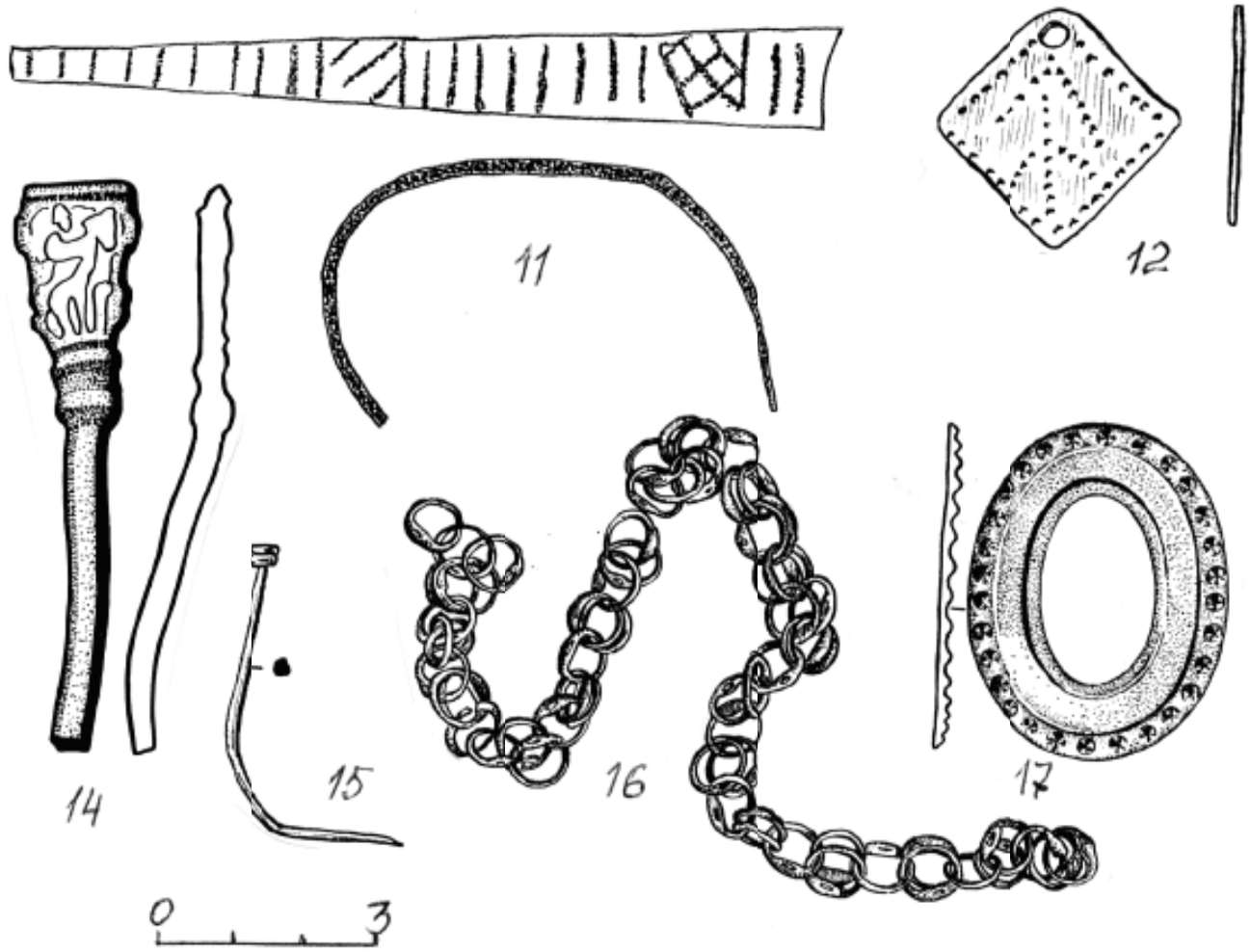

Рис. 5 (продолжение). Ювелирные изделия

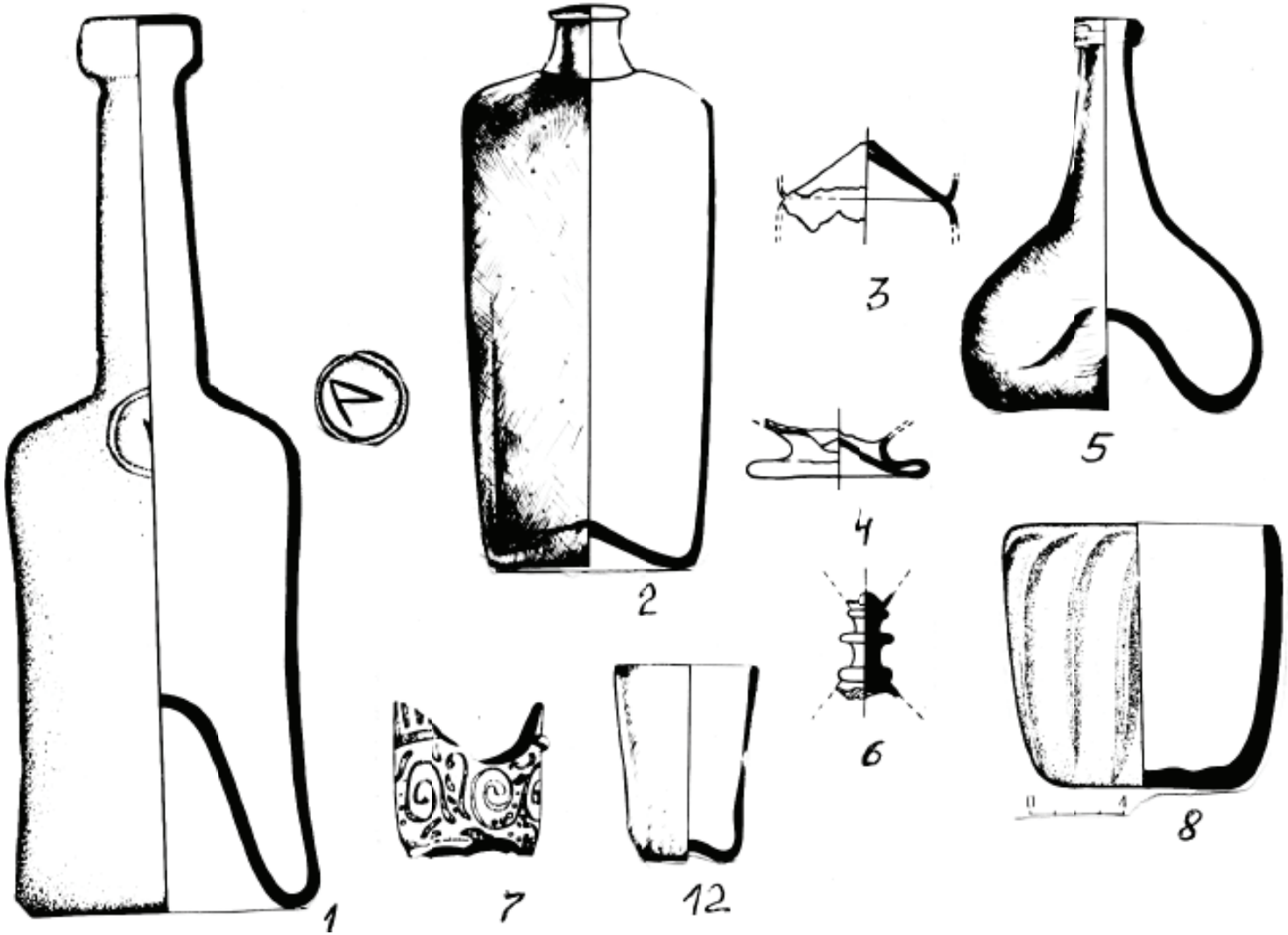

Рис. 6. Изделия из стекла

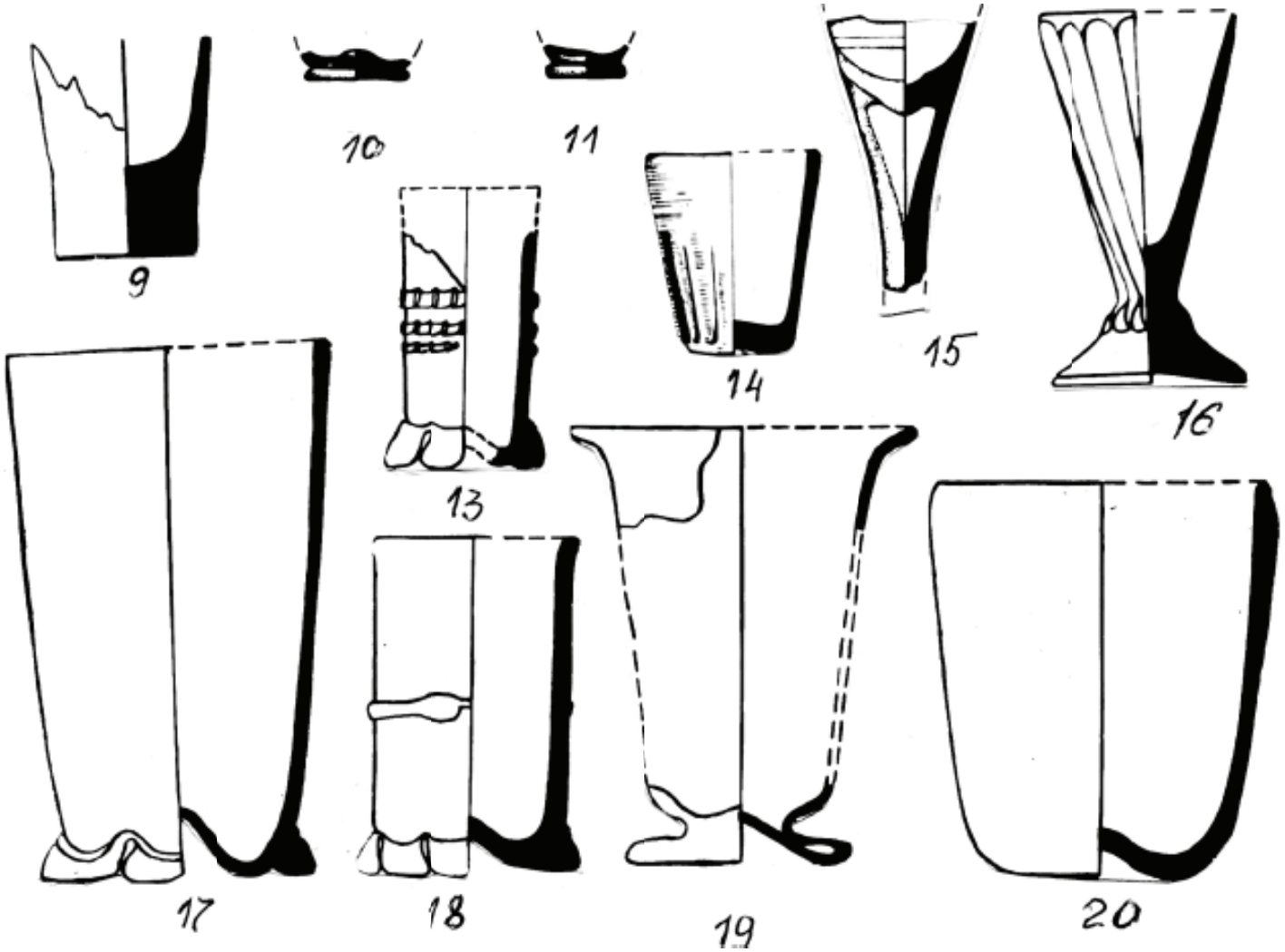

Рис. 6 (продолжение). Изделия из стекла

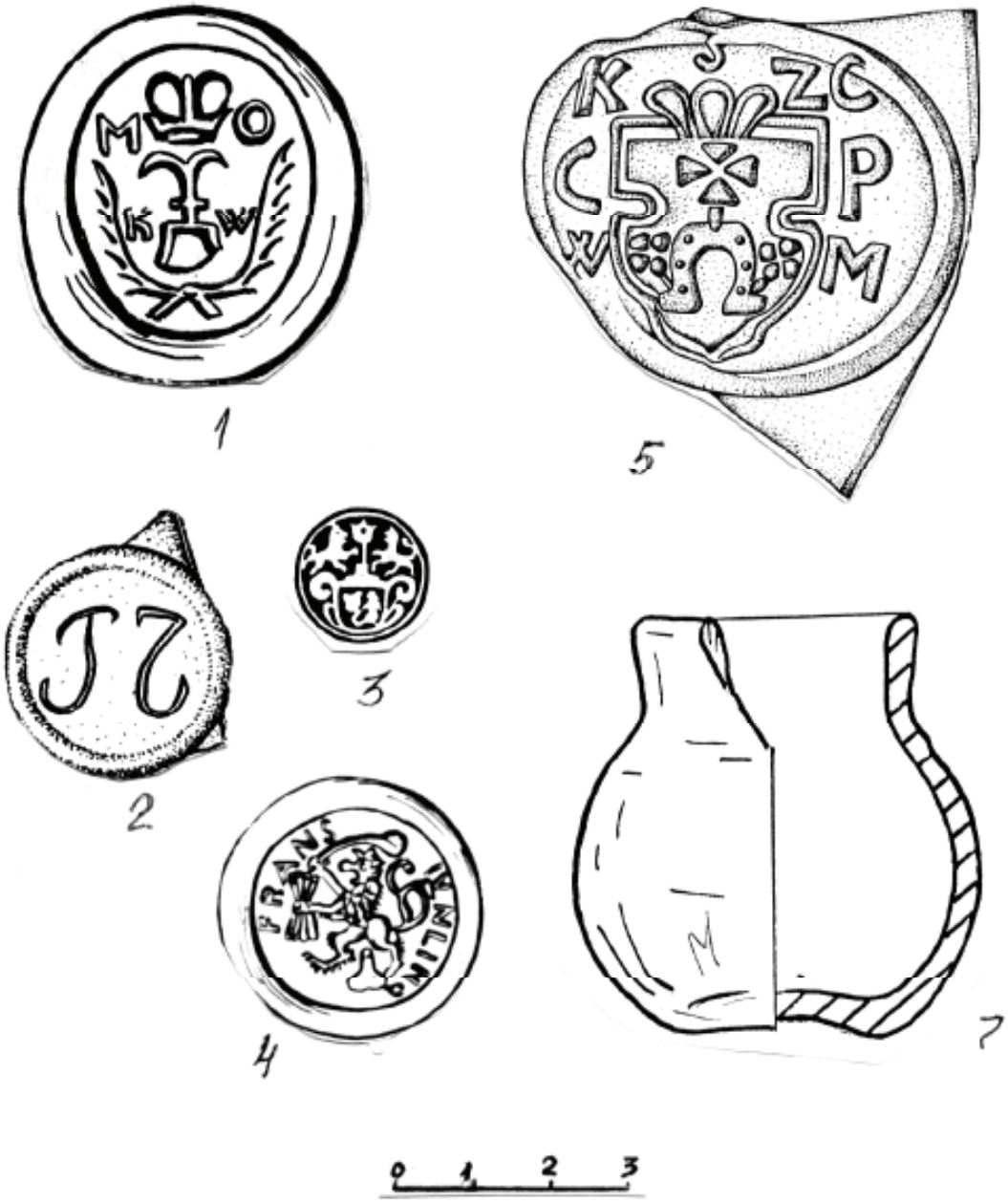

Рис. 7. Изделия из стекла

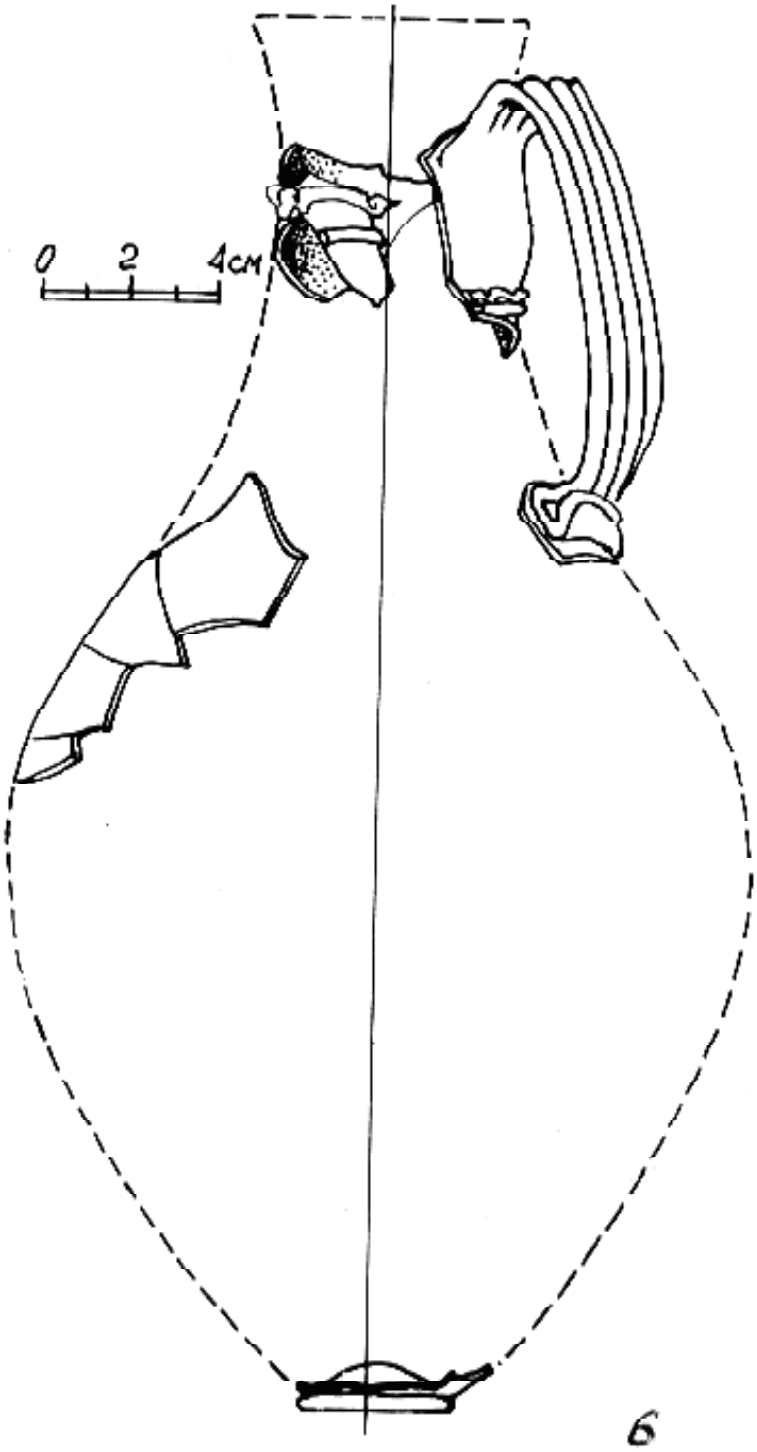

Рис. 7 (продолжение). Изделия из стекла

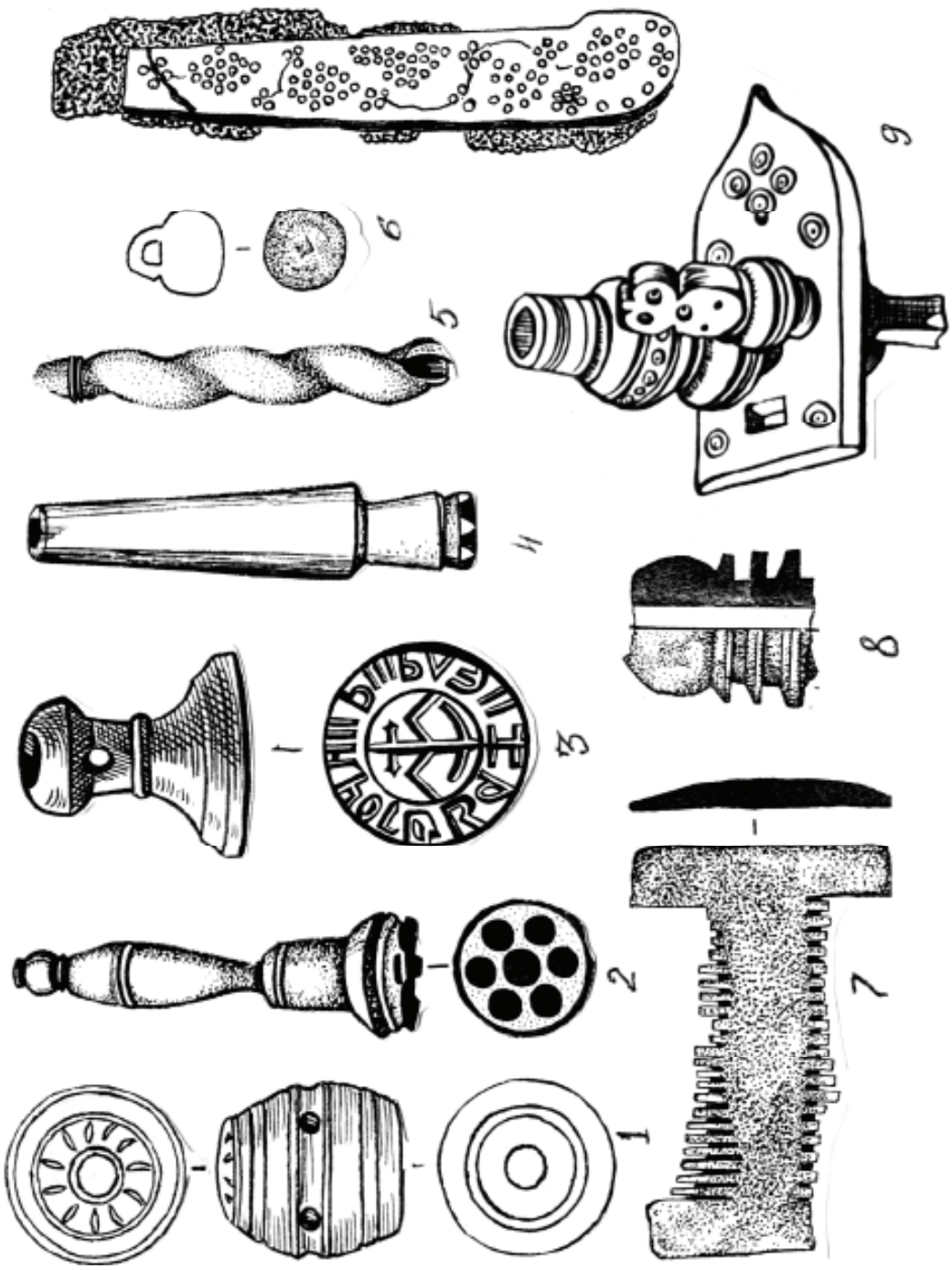

Рис. 8. Изделия из кости

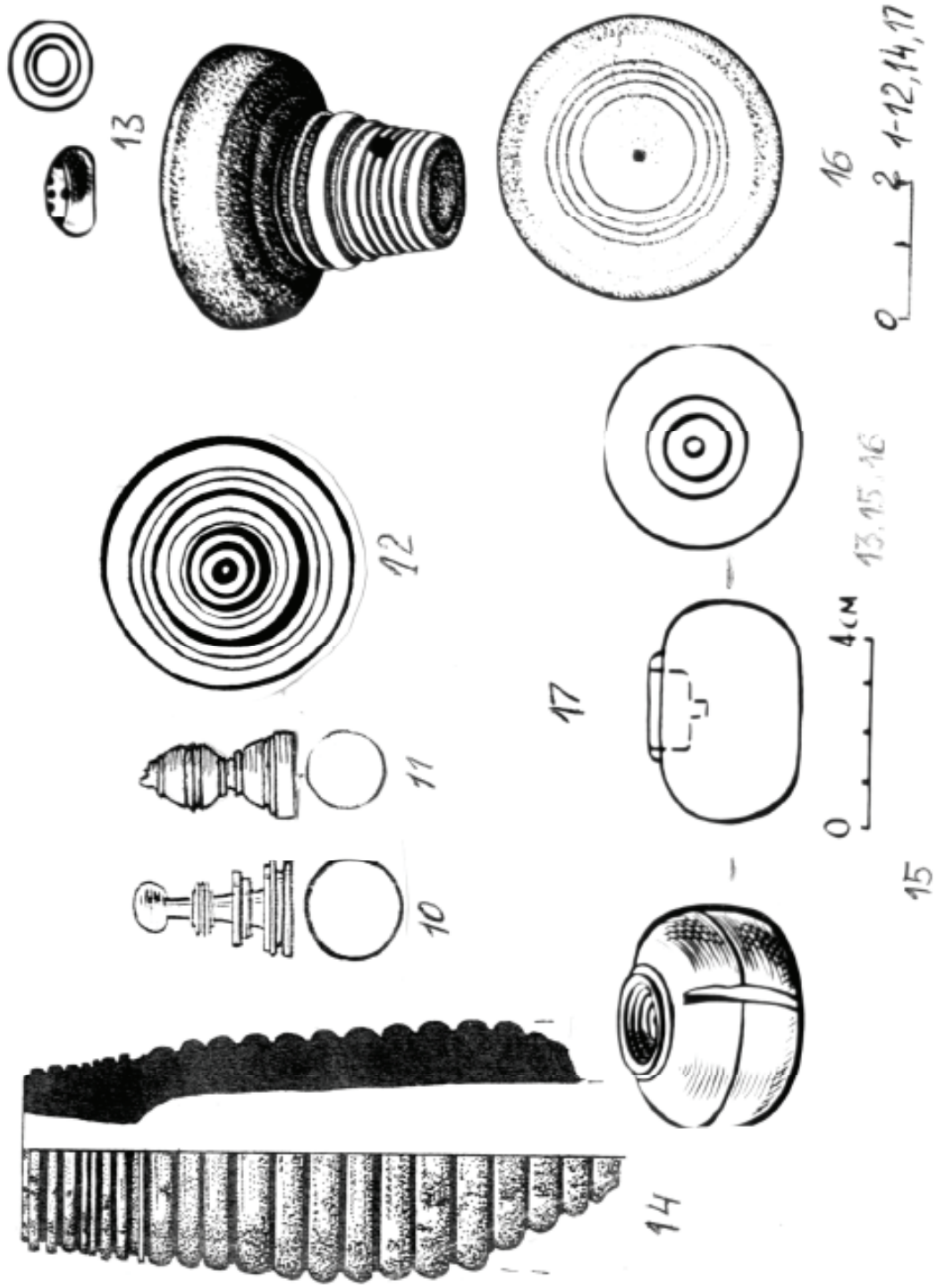

Рис. 8 (продолжение). Изделия из кости

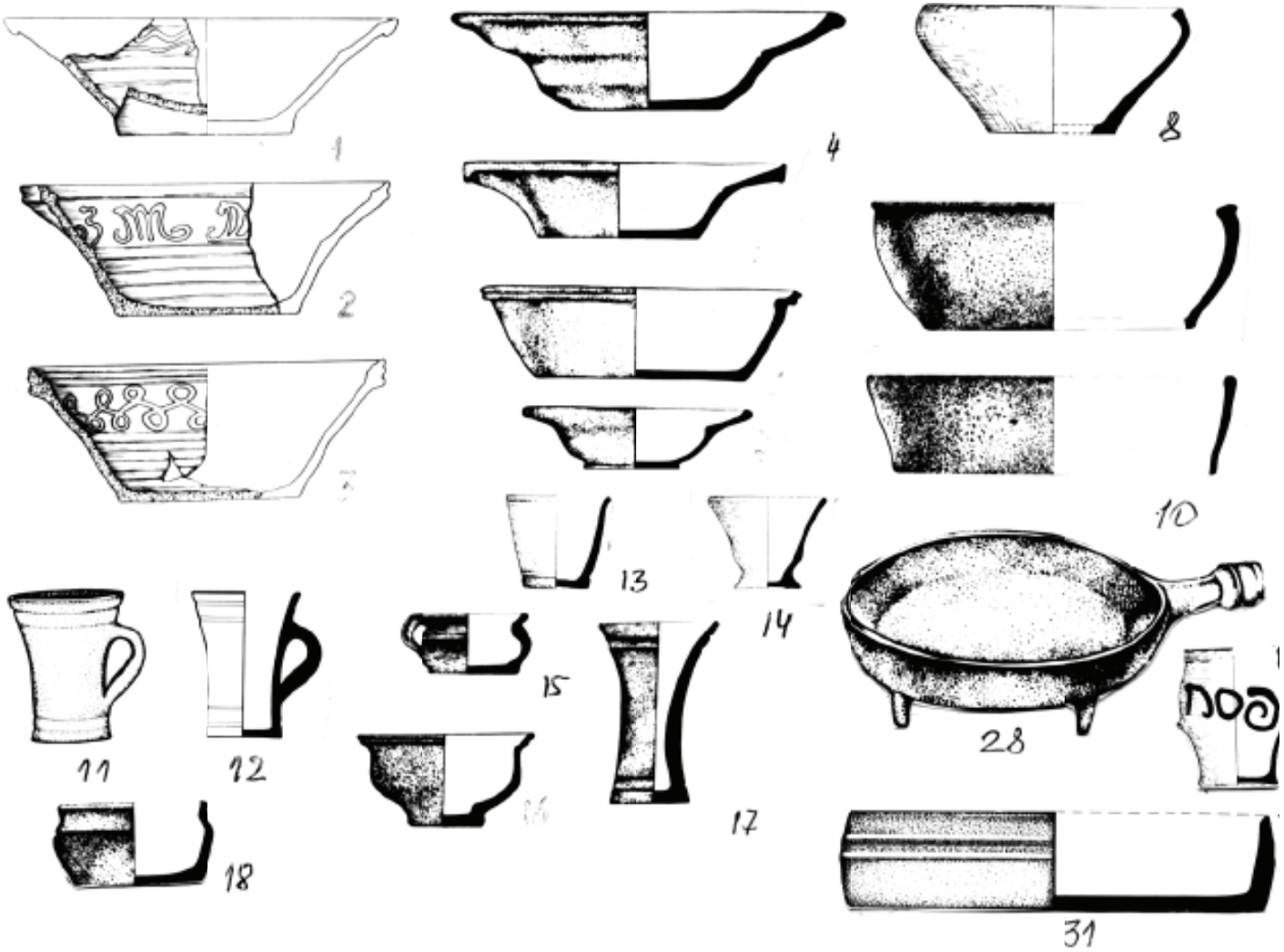

Рис. 9. Бытовая керамика

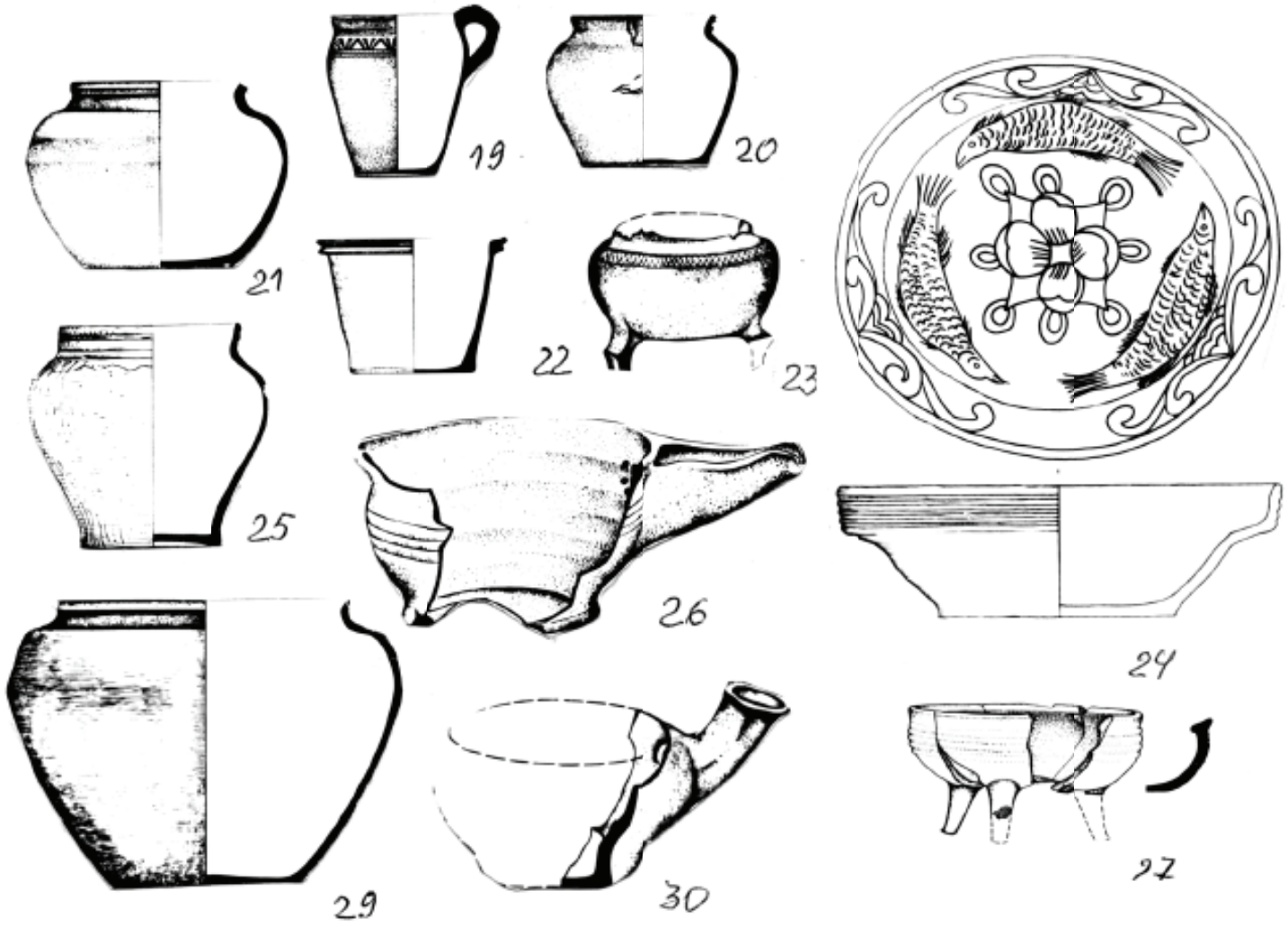

Рис. 9 (продолжение). Бытовая керамика

Список литературы

1. ПСРЛ. — М., 1975. — Т. 32.

2. Брэжго Б. Замкі Віцебшчыны. — Вильня, 1933.

3. Stryjkowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. — Warszawa, 1846. — T. 2.

4. Gwagnin A. Kronika Sarmacijej Europskiej. — Kraków, 1611. — T. 3.

5. Белоруссия в эпоху феодализма. — Мн., 1959.

6. Бубенько Т.С. Планировка и застройка посада средневекового Витебска // ГАЗ. — № 8. — Мн., 1996.

7. Бубенька Т.С. Жыллё феадальнага Віцебска (па матэрыялах даследаванняў Ніжняга замка) // З глыбі вякоў // Наш край: Гістарычна-культуралагічны зборнік. — Мн., 1992.

8. Гурын М.Ф. Жалезныя вырабы XIV–XVII ст. з Віцебска // Весці АН БССР. — Серыя грамадскіх навук. — Мн., 1981. — № 5.

9. Гурин М.Ф. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. IX–XIII в. — Мн., 1987.

10. Игнатенко А.П. Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII–XVIII в. — Мн., 1963.

11. Левко О.Н. Витебск XIV–XVIII в. (Стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производства). — Мн., 1984.

12. ИЮМ. — Витебск, 1891. — Т. XXII.

13. Русско-белорусские связи: Сборник документов (1570–1667 г.). — Мн., 1963.

14. Ткачоў М.А., Бубенька Т.С. Да пытання аб каменных умацаваннях Дольняга замка Віцебска // Гістарычна-археалагічны зборнік. Памяці Міхася Ткачова: У 2 ч. — Мн., 1999. — Ч. 2.

15. Овсяников О.В. О косторезном ремесле средневековой Руси // СА. — 1969. — № 1.

16. Бубенько Т.С., Колединский Л.В. Шахматы и шашки в средневековом Витебске // Шахматы, шашки БССР. — 1984. — № 4.

17. Русско-белорусские связи: Сборник документов. — М., 1972. — Т. 2.

18. Бубенька Т.С. Крыж XVI ст. з Віцебска // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. — Мн., 1994.

19. Бубенько Т.С. Стеклянная посуда из Витебска // Древности Литвы и Белоруссии. — Вильнюс, 1988.

20. Копысский З.Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. — Мн., 1966. — С. 74.

21. ИЮМ. — Т. XXVIII.

22. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX–XIII в.). — Мн., 1978.

23. Бубенько Т.С. Изразцы Витебского замка XV–XVIII в. // Проблемы изучения древнерусского зодчества. — СПб., 1996.

24. Тарасов С.В. Технология и инструменты кожевенно-сапожного ремесла Полоцка и Минска (XI–XVIII в.) // Памятники науки и техники 1987–1988 г. — М., 1989.

25. Сапунов А.П. Витебская старина. — Витебск, 1884. — Т. 1.

26. ИЮМ. — Т. XX.

27. Бубенько Т.С. Кожаная обувь средневекового Витебска XII–XVIII в. (по материалам исследований Нижнего замка) // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. Новыя матэрыялы і даследаванні. — Мн., 1993.

28. Ляўко В.М. Абутак з культурнага слоя Віцебска XIV–XVIII ст. // Помнікі старажытнабеларускай культуры. Новыя адкрыцці. — Мн., 1984.